

УДК 94(571.1).05/06

КОЛЫВАНСКИЕ ЗАВОДЫ В ПОЛИТИКЕ КУЗНЕЦКИХ ВОЕВОД ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII В.Денис С. Бобров^{1, @, *}¹ Алтайский государственный университет, Россия, 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61

@ BDS-eureka@yandex.ru

Поступила в редакцию 26.07.2017. Принята к печати 14.11.2017.

Ключевые слова:

А. Н. Демидов, приказчики, кузнецкие воеводы, Колывано-Воскресенское ведомство, Кузнецкий уезд.

*** Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и Министерства образования и науки Алтайского края в рамках реализации совместного проекта № 17-11-22006****«Историческое развитие Алтая в контексте общегосударственных и региональных процессов XVIII – начала XXI в.».****Аннотация:** Статья посвящена выделению и анализу направлений взаимодействия кузнецких воевод с частновладельческими приказчиками Колыванских предприятий А. Н. Демидова во второй четверти XVIII в. Источниковую основу исследования составили неопубликованные документы из фондов Российского государственного архива древних актов. Освещается реакция уездных администраторов на организацию охраны медеплавильного производства в междуречье Оби и Иртыша. На примере вопросов использования казенной соли, а также подсудности преступлений показаны системные противоречия между интересами гражданских властей и управленцев А. Н. Демидова. Возникавшие коллизии и конфликты рассматриваются в качестве следствия неурегулированности в законодательстве и имперском дискурсе процедуры взаимоотношения соответствующих административных субъектов. Автор ставит под сомнение утвердившееся в историографии мнение об отсутствии конкуренции государственного и частновладельческого начал при освоении Верхнего Обь-Иртышья, а также приходит к выводу о перманентном стремлении кузнецких воевод к расширению своего административного влияния на приказчиков Колывано-Воскресенского ведомства.**Для цитирования:** Бобров Д. С. Колыванские заводы в политике кузнецких воевод во второй четверти XVIII в. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 4. С. 23–29. DOI:10.21603/2078-8975-2017-4-23-29.

Одной из отличительных черт проникновения Российского государства в верховья и междуречье двух крупных сибирских рек Оби и Иртыша (Верхнего Обь-Иртышья) в первой половине XVIII в. явилось взаимодействие в ходе административного строительства разностатусных субъектов. Едва ли не ведущим актором освоения процесса становился не царь / император и даже не сибирский губернатор (поскольку принимавшиеся ими в отношении порубежных районов указы были не столь многочисленны и отражали лишь общие принципы и постулаты имперской доктрины), а воевода Кузнецкого уезда. С одной стороны, он выступал связующим звеном между центральными органами власти и местными структурами (земскими комиссарами, приказчиками острогов и слобод, командами служилых людей), а с другой стороны, – в реалиях восточных окраин России XVIII в. обладал внушительной степенью административной самостоятельности.

На протяжении второй четверти XVIII в. должность воеводы и управителя Кузнецка занимали: 1) управитель, томский дворянин Б. И. Серединин (1722–1727 гг.); 2) воевода, полковник П. Нефедьев (1728–1730 гг.); 3) воевода, майор С. С. Зиновьев (1731–1732 гг.); 4) управитель, кузнецкий дворянин П. А. Мельников (1732 г.); 5) управитель С. Иванов (1732–1733 гг.); 6) воевода, капитан А. Ф. Баргенов (1734–1738 гг.); 7) воевода, майор А. Г. Шапошников (1738–1745 гг.) [1, с. 185; 2, с. 21]. При этом стоит подчеркнуть, что Д. А. Ананьев и И. Ю. Усков определяют верхнюю дату воеводского правления А. Г. Шапошникова «не ранее 1741 г.».

На самом деле архивные материалы, посвященные конфликту гражданских властей и управителей А. Н. Демидова 1743–1744 гг. адресованы еще А. Г. Шапошникову или подписаны им [3, л. 1–2, 63–65, 67–67 об.]. Кроме того, в одном из опубликованных В. А. Моисеевым, И. А. Ноздриной и Р. А. Кушнерик документов содержится фрагмент рапорта А. Г. Шапошникова командиру войсками Сибирских линий Х. Х. Киндерману, датированный августом 1745 г. [4, с. 107–108]. Таким образом, хронология нахождения А. Г. Шапошникова в должности главы уезда должна быть установлена в интервале «1738 – не ранее 1745 гг.».

Начиная со второй четверти XVIII в., административная повестка кузнецких воевод дополнилась темой Колыванских предприятий. Активное освоение недр Обь-Иртышского междуречья, инициированное А. Н. Демидовым во второй половине 20-х гг. XVIII в., привело к возведению сначала «Колыванского ручного завода», а затем к открытию в 1729 г. Колывано-Воскресенского завода [5, с. 60–61] и формированию специфического административно-хозяйственного субъекта: Колывано-Воскресенского ведомства (ведомства Колывано-Воскресенских заводов). Формально территория зарождавшегося производственного комплекса относилась к Кузнецкому уезду [6, с. 48], хотя и находилась на его юго-западной периферии, вплотную примыкая к государственной границе России с Джунгарским ханством. Организация производства и решение административных задач на Колыванских предприятиях выстраивались на основе принципов централизации и единоначалия администрирования, а ключевой

управленческой единицей становились приказчики. Несмотря на то, что абсолютное большинство социально-экономических сюжетов регулировалось демидовскими управителями через Невьянскую контору [6, с. 48], ряд смежных с производством вопросов в реалиях имперской административно-правовой системы первой половины XVIII в. не мог быть решен без участия Кузнецкой воеводской канцелярии. Вследствие этого одним из значимых параметров управленческой среды Верхнего Обь-Иртышья на первоначальном этапе освоения региона становилось выстраивание взаимоотношений по линии «частновладельческие приказчики – уездная администрация».

В сибиреведческой литературе подробно, но все же изолированно освещены вопросы административного строительства в Колывано-Воскресенском ведомстве. Иерархия управления Колывано-Воскресенскими заводами в период владения А. Н. Демидовым, а также роль приказчиков в организации производства представлены в трудах А. В. Контева и О. Е. Контевой [6, с. 48–49; 7, с. 137–140; 8, с. 47–49]. Кроме того, перу О. Е. Контевой принадлежит обширное по своему замыслу исследование системы управления Колывано-Воскресенским комплексом образца середины – второй половины XVIII в. [9]. Т. Н. Соболевой и В. Н. Разгоном рассмотрены общие принципы и параметры построения административной вертикали округа после его передачи под управление Кабинета Его Императорского Величества [10, с. 5–70], а А. А. Пережогину удалось детально реконструировать складывание в этот же период времени «военно-горного строя» [11]. В коллективной монографии «Эксплуатация природных ресурсов Алтая императорским Кабинетом как фактор развития российской монархии» представлен опыт исследования пространственного укрупнения Колывано-Воскресенского комплекса в XVIII столетии [12, с. 99–132], а в исследовании В. В. Ведерникова свое отражение нашла динамика металлургического производства на предприятиях складывавшегося округа [13]. Таким образом, к настоящему моменту историография не содержит исследований административных контактов частновладельческих / ведомственных структур с гражданскими властями региона на протяжении первой половины XVIII в.

В связи с этим целью настоящей публикации стало выделение и освещение основных направлений взаимодействия кузнецких воевод с частновладельческими приказчиками Колыванских предприятий А. Н. Демидова во второй четверти XVIII в. Основу источникового корпуса исследования составили неопубликованные документы из фонда 517 «Кузнецкая воеводская канцелярия» Российского государственного архива древних актов.

Отсутствие нормативного поля, которое регламентировало бы управленческую коммуникацию разностатусных субъектов, не просто создавало ситуацию правового вакуума, но и ставило обе стороны перед необходимостью избрания должного подхода к формализации административных отношений. Кузнецкая канцелярия общалась с Колыванской конторой исключительно указами. Это ярко демонстрирует не только стремление использовать уже устоявшуюся правовую форму, но и плохо скрываемое желание транслировать адресату документы таким способом, который бы четко обозначал его нижестоящий статус. В свою очередь, демидовские приказчики вплоть до середины 30-х гг. XVIII в. направляли в воеводскую канцелярию доношения, после чего перешли к

практике использования промеморий, фиксировавшей равный уровень субъектов взаимоотношений. Административные взаимодействия воевод и колыванских управителей осуществлялись по нескольким линиям.

Откровенно неудобным для уездных властей практически с самого начала строительства Колыванских предприятий, но вместе с тем центральным вопросом политики становилась система охраны производства. Указ Сената изначально лишь в общей форме санкционировал отправку на возводившийся Колыванский завод казаков для посменной «обереговой службы». И это не способствовало организации обороны должного уровня. В 1728 г. кузнецкий воевода П. Нефедьев доносил сибирскому губернатору о катастрофическом по своим масштабам и последствиям набеге кочевников в соответствующий локальный район: «набевая неприятельские воинские люди в Кузнецком уезде на оные Демидовы Колыванские медные заводы, и отогнали триста семьдесят одну лошадь, и двух человек ранили копьями, и от часовых пяти человек пять лошадей отбили» [14, л. 610 об.]. Следствием этого явилось оставление руководившим строительством Колывано-Воскресенского завода Н. Г. Клеопиным и всеми подчиненными ему людьми (включая присланных для обеспечения безопасности казаков) недостроенного завода, а также прилегающей к нему крепости и перемещение в деревню Усть-Чумышскую административного округа Белоярской крепости [14, л. 610 об.].

Раздраженный негативным развитием событий и вынужденный ответствовать перед Сенатом сибирский вице-губернатор И. В. Болтин принял решение разделить нагрузку охраны Колыванских предприятий между Томской и Кузнецкой канцеляриями: «дабы в произвождении тех заводов остановки какой не произошло... и служилым и работным людям быть при тех заводах неотлучно... и того им воеводам смотреть накрепко, дабы тем заводам от неприятельских людей Казачьей Орды разорения не учинилось» [14, л. 614–614 об.]. Более того, Сенатским указом П. Нефедьеву строго предписывалось контролировать местонахождение Н. Г. Клеопина и гарантировать ему безопасность.

Установленное в 1728 г. расписание предполагало наличие в распоряжении Колыванской конторы ежегодно сменявшихся 60 конных казаков, 40 из которых присылались из Томска, а 20 из Кузнецка [15, л. 38, 39]. Однако порубежный характер Колыванского комплекса, удаленность его от Томска провоцировали массовое недовольство в среде служилых людей. Это вылилось в подачу вице-губернатору коллективной челобитной от томских казаков с требованием прекратить их посылки для охраны Колыванского завода.

Не желая раздувать конфликты в среде служилых людей и руководствуясь рациональными основаниями «а оные Демидова заводы к Кузнецку в близости, а от Томска в дальном расстоянии», И. В. Болтин 9 июля 1730 г. приказал «посылать на те [Колыванские – Д. Б.] заводы для обережения от неприятельских людей кузнецких служилых людей... по шестидесят человек с переменою» [15, л. 31 об.–32]. Доводы, представлявшиеся кузнецкому воеводе в качестве легитимационного обоснования такого решения, выглядели по меньшей мере умозрительными: якобы служилые люди из Кузнецка не использовались для несения охраны в острогах и крепостях и вообще в сравнении с томскими служилыми были задействованы откровенно слабо. Такой тезис явно противоречил действительности. Кроме того, губернатор-

ский указ предусматривал в случае возрастания риска набега на производства увеличение количества кузнецких казаков до 100 человек [15, л. 32].

Уездный администратор П. Нефедьев стремился различными путями саботировать посылки служилых из Кузнецка. Во-первых, он откровенно медлил со сменой команды и до последнего держал Колыванскую контору в неведении не только относительно даты этого события, но и вовсе не считал нужным информировать заводских приказчиков о принятом И. В. Болтиным решении. Во-вторых, видимо, именно с подделки воеводы кузнецкие служилые люди составили коллективную челобитную, в которой с высокой степенью точности приводили цифры командированных в различные районы Кузнецкого уезда, а в качестве главного аргумента указывали то, что «... Томск между другими городами обстоит в середине и безо всякой опасности, а Кузнецкой город в крайнем месте» [15, л. 33–33 об.]. Обращение откровенно преследовало цель восстановить существовавшую ранее практику организации охраны Колывано-Воскресенских предприятий.

Другим источником информации о принятом губернаторском указе для частновладельческих управителей могла стать Томская канцелярия. В течение 1726–1730 гг. томский уездный центр в сравнении с кузнецким оказывал едва ли не большее административное влияние на ведомство Колывано-Воскресенских заводов. Однако воевода А. Каратьев уведомил Колыванскую контору лишь о том, что «велено томских служилых отпустить, а требовать ис одного града Кузнецка» [15, л. 37 об.]. При этом он не сообщил даже должного количества служилых людей, которые отныне должны были посылаться для охраны предприятий.

Приказчики А. Н. Демидова, оказавшиеся в сложной ситуации и крайне слабо представлявшие конкретные аспекты транслировавшейся сверху доктрины, могли лишь исключительно вежливо поторапливать кузнецкого уездного администратора. В доношении от 26 декабря 1730 г., приказчик Н. Семенов настоятельно просил воеводу выделять по 40 человек в зимнее и по 100 в летнее время для охраны производства. Иными словами, не владея полной информацией, Н. Семенов пытался по умолчанию экстраполировать в отношении 1:1 расписание казаков, присылавшихся ранее из Томска, на кузнецких служилых людей, хотя губернаторский указ предполагал посылку на охрану именно 60 человек.

Осознавая, что прибытие казаков из Кузнецка даже в соответствии с максимальной квотой может быть недостаточным для нормального функционирования и охраны предприятий, демидовские управители на свой страх и риск, без каких бы то ни было нормативных оснований дополнительно просили воевод отправить еще 100 человек из местного населения Верхнего Приобья: «а в слободы и остроги к прикащиком, когда от завода потребуется о даче работных людей ста человек» [15, л. 37 об., 39 об.]. Этот вопрос вызвал наиболее острые противоречия с Колыванской конторой, одним из проявлений чего становились списки не явившихся или бежавших с заводских работ крестьян Кузнецкого уезда [16, л. 109].

В итоге сменивший П. Нефедьева на посту воеводы С. С. Зиновьев 2 января 1731 г. приказал отправить 40 казаков в полном соответствии с требованиями Колыванской конторы [15, л. 40], хотя это напрямую нарушало предписания, содержащиеся в губернаторском указе. Вместе с тем С. С. Зиновьев подчеркивал, что служилые люди не должны использоваться «кроме надлежащих караулов, работать при

тех заводах оных их посланных ис Кузнецка служилых людей не принуждать» [15, л. 40–41]. Дальнейшие просьбы демидовских приказчиков о посылке в летнее время дополнительных команд удовлетворялись частично: вместо запрашивавшегося увеличения численности казаков до 100 человек, воевода в довесок отправлял лишь 20 служилых людей [15, л. 42–43]. Сложившиеся противоречия в организации охраны горнорудного района были несколько сглажены лишь в середине 30-х гг. XVIII в., когда за оборону Колывано-Воскресенских предприятий стал отвечать гарнизон заводской крепости [7, с. 87].

Тем не менее проблемы с организацией системы охраны производства ставили колыванских управителей перед нелегкой дилеммой: как организовать оборону при перманентно увеличивавшемся территориальном охвате производственного комплекса и возраставшем в течение конца 20–40-х гг. XVIII в. потоке транзитных торговых караванов из Джунгарского ханства. Иностранцы, ощущая определенную привилегированность своего статуса, не гнушались воровством сена у заводских работников и даже открытыми разбоями. В свою очередь, робкие попытки находившихся на «обереговой службе» служилых людей ответить или хотя как-то пресечь противоправные действия, вызвали острое недовольство заграничных купцов. Последние постоянно угрожали жалобами джунгарскому хану и переводом конфликта на уровень межгосударственного. Всю сложность и неоднозначность складывавшейся ситуации, а также растерянность частновладельческой администрации в одном из своих доношений подчеркнул демидовский приказчик И. Харитонов, просивший кузнецкого воеводу «дабы де соблаговолено было от таких их обид и нападков оборонить, и, как с ними в таких непотребствах поступать, о том требовано указу» [17, л. 16 об.].

Другим важным аспектом частичного пересечения интересов Колыванского ведомства и Кузнецка становилась проблема хранения и реализации казенной соли. Наибольшую остроту этот вопрос приобрел во второй половине 30-х гг. XVIII в., что было связано с кратковременным изъятием алтайских предприятий А. Н. Демидова в пользу государства в 1735–1736 гг. и передачей их под управление Томскому и Кузнецкому горному начальству [5, с. 116–117]. Восстановление права собственности частного заводчика на производство в Верхнем Обь-Иртышье, осуществлявшееся на протяжении всей первой половины 1737 г. [5, с. 117–118], среди прочего, предполагало налаживание взаимоотношений по линии уездный центр – заводские приказчики и, как следствие, ревизию системы контроля за использованием казенной соли.

В своем указе от 23 августа 1737 г. воевода А. Ф. Бартев требовал от колыванского приказчика обеспечить надлежащие условия хранения казенной соли, точнее, построить отдельный амбар, что, по мысли уездного администратора, должно было способствовать должному учету расхода соли соляным головой П. Шмаковым [18, л. 1].

Приказчик Колыванской конторы Р. Набатов изначально не проявил существенного интереса к этой идее в силу ряда обстоятельств. Воевода, очевидно, опасался несанкционированного и неконтролируемого использования соли в производственных экспериментах. Однако изменившаяся производственная политика колыванских управителей не предполагала активных технологических опытов с привлечением соли. В результате Р. Набатов сделал вывод, что «и те никакой

пользы от того смесу несыскали, и на онои смесь с медными рудами в той соли, кроме того что на пропитание заводских обывателей, нам она ни на что не надобна» [18, л. 1 об.]. В условиях явного кризиса организации производства на Колыванских предприятиях после всех пертурбаций со смесной форм собственности тема «соли» являлась откровенно периферийной. Р. Набатов просил А. Ф. Бартенева снять с повестки дня вопрос о строительстве амбара, поскольку «са недостатком плотников и работных людей и припасы заводския без кровли валятца, и многия погибают в туне, да и доходов на те росходы никаких у нас не имеетца» [18, л. 3–4]. В конечном итоге в ответной промемории приказчик предложил не только оставить соль на хранение в амбаре ненадлежащего качества, но и взыскать часть от нее в качестве платы хозяину амбара Т. Поспелову [18, л. 3–4].

А. Ф. Бартнев, естественно, категорически отверг эту идею. Воевода, в свою очередь, в резкой форме предписал приказчику А. Н. Демидова перестать выдвигать собственные вольные предложения и заняться строительством амбара. Кузнецкий администратор намекал на возможность использования в качестве рабочей силы кузнецких служилых людей, которые по-прежнему посылались им из уездного центра для охраны заводов. Кроме того, Р. Набатову категорически запрещалось вести взаимозачет соли за содержание в частном амбаре [18, л. 5–5 об.].

Административный нажим со стороны Кузнецка на фоне непростого социально-экономического положения Колыванских предприятий после периода правления Томского горного начальства загнали демидовского приказчика в тупик. Результатом этого стало появление партикулярного письма Р. Набатова лично А. Ф. Бартневу. Примечательно, что этот документ не обладал строгим формуляром, явившись личной просьбой-обращением. В нем приказчик фактически умолял уездного администратора прекратить давление, связанное с проблемой соли и местами ее хранения. Однако пойдя дальше в своих рассуждениях, Р. Набатов представил срез состояния дел в Колыванском ведомстве на момент осени 1737 г. Картина в целом была крайне неблагоприятная, даже критическая, четко отражала кризисное состояние производства: «после горного начальства также малолюдство осталось, что я не могу собрать и здешних жителей в угольную... человек чего ради остается... а определенные Вашим благородием из Кузнецкого уезду крестьяне столь шалостны, что ни половины и при работах не осталось, но все разбежались, чего ради годные работать уничтожились, и рудной добычи у нас не стало» [18, л. 7–7 об.].

Административная позиция кузнецких администраторов слабо согласовывалась с общей линией центральных и региональных властей на предоставление Колывано-Воскресенскому ведомству дополнительных ресурсов, в том числе людских. В указе губернатора от 4 сентября 1738 г. предписывалось провести приписку к Колыванским предприятиям жителей Кузнецкого уезда, точнее Бердского и Белоярского острогов, а также Малышевой слободы в количестве 200 дворов [19, л. 6]. Это решение становилось ощутимой проблемой для воеводы, поскольку не только почти полностью выводило определенную часть населения Верхнего Приобья из-под контроля уездного администратора, но и обнажало отсутствие внятного механизма осуществления процедуры. В течение периода реализации губернаторского указа воеводой было отдано поручение отправить на работу в

Колыванские предприятия 200 человек, отобранных слепым образом, то есть случайным. Такой ход, с одной стороны, подчеркивал своевременное исполнение вышестоящего поручения и сохранял в глазах Тобольской канцелярии административный авторитет главы уезда, а с другой стороны, – приводил к подрыву сложившейся в острогах и слободе административно-хозяйственной системы, о чем свидетельствовали массовые недовольства крестьян, временно отправленных на заводские работы [19, л. 6 об., 8 об.].

Таким образом, вопрос контроля за реализацией соли вскрыл существеннейшие проблемы ведомства Колывано-Воскресенских заводов с организацией и непосредственно выплавкой меди, а также фундаментальные претензии со стороны демидовских управителей к уездной гражданской власти. Находясь на грани остановки производства, приказчики стремились возложить всю ответственность за происшедшее на воеводу, вынудить его активизироваться в вопросе поиска беглых и высылки их обратно на Колыванский завод: «а как ныне слободские управители Вашей команды какие чинят нам в том препятствия: ни не токмо что беглых не возвращают, но и по указом, от Вас посланным, половине к нам в работу не присылают, чего ради к ним от нас нарочно с промемориями посланы салдаты, и, ежели от них в том по силе указов исполнения не будет, то принуждены быть имеем неотменно на них представлять во остоновке заводского поведения» [19, л. 8–8 об.].

Еще одним важным вопросом в борьбе за сферы административного влияния становилась подсудность Кузнецкой канцелярии преступлений, совершенных на территории Колывано-Воскресенского ведомства. Воевода пытался использовать высылки подозреваемых в Кузнецк для расширения своей прерогативы суда над ними в качестве средства манипуляции частновладельческой администрацией.

Показательным в данном случае является скандал, разгоревшийся в 1744 г. Уездный администратор А. Г. Шапошников отправил в Колывано-Воскресенскую контору сына боярского В. Шестакова и казака З. Хлыновского для «взыскания с тех заводов по нарядом рекрут» [20, л. 1, 9]. Последнего категорически не устроили условия содержания на предоставленной квартире заводского обывателя С. Акимова, жена которого Настасья якобы матерно оскорбляла гостившего казака и наотрез отказывалась кормить его [20, л. 1]. Разгневанный З. Хлыновский обратился в заводскую контору и в устной форме изложил суть своих претензий подьячему Я. Сибирцову. Позднее, уже в Кузнецке, на очной ставке с В. Шестаковым казак подчеркивал, что не составил сказку «за тем, что он сам в грамоте незнаем, а написать никого заставить» [20, л. 10–10 об.]. Примечательно, что, будучи неграмотным, З. Хлыновский не доверил составление текста претензии кому-либо из сотрудников Колыванского ведомства, хотя такая возможность полностью соответствовала сложившейся административной практике.

Отсутствие письменного документа в нормативно-правовой системе XVIII в. не предполагало возбуждение следствия. Однако это не остановило воеводу. Пытаясь поставить управителей А. Н. Демидова в неловкое положение, А. Г. Шапошников инициировал масштабное разбирательство и в своем указе в Колыванскую контору приказал допросить и выслать в Кузнецк для проведения следствия всех причастных к этому эпизоду. Активность воеводы была обусловлена, среди прочего, еще и замечанием З. Хлыновского относительно

но недовольства управителей А. Н. Демидова тем, что «Кузнецкая воеводская канцелярия неправо судит» [20, л. 9 об.]. Справедливости ради стоит заметить, брошенное вскользь утверждение не соответствовало действительности, что подтверждалось последующими показаниями как колыванского администратора, так и В. Шестакова.

Высылка подьячего и двух рабочих явно противоречила интересам Колыванской конторы и соответственно не была осуществлена. Вместо этого И. С. Христиани придумал оригинальный выход, когда подьячий Я. Сибирцов, являвшийся свидетелем жалоб З. Хлыновского, составил документ о допросе самого себя [20, л. 1]. По версии управителей Колыванского ведомства, это автоматически снимало необходимость отправки людей в Кузнецк. Причем показания Я. Сибирцова были чрезвычайно сухи и не вносили ясности в произошедшее. «Допрашиваемый» утверждал, что действительно стал свидетелем появления З. Хлыновского в конторе, но не смог припомнить содержание претензий последнего, и уж тем более как именно его бранила Н. Акимова.

Раздраженный противодействием колыванских властей А. Г. Шапошников в ожидании решения губернской канцелярии попытался оставить за собой последнее слово в разгоревшемся противоборстве, отправив в демидовское ведомство указ «велеть той заводской канторе реченную жену наставью до указа Ея Императорского Величества никуда из заводов не отлучать и не переводить, и в том по ней в той заводской канторе» [20, л. 15 об.].

Конфликт, зашедший в тупик, мог быть разрешен только вышестоящей инстанцией. Несмотря на подробный «экстракт» по этому делу, составленный воеводой, и подчеркивавший нарушения со стороны служащих Колыванского ведомства, губернатор проявил крайне слабый интерес к произошедшему. Вполне очевидно, что для региональной власти матерная брань жены рядового заводского обывателя, при том долгое время не подтвержденная письменными материалами, представлялась ничтожным случаем, не заслуживавшим сколько-нибудь существенного внимания. Итоговая резолюция губернской канцелярии была крайне либеральна: снять все обвинения как с Н. Акимовой в оскорблениях, так и с З. Хлыновского в ложных показаниях [20, л. 27–27 об.].

Подобная реакция со стороны регионального центра подспудно несла в себе еще и учет интересов Колыванского ведомства. В этом свете любопытные данные приводит А. В. Контев относительно того, что в 1729 г. после бунта крестьян при строительстве Воскресенского завода, несмотря на многочисленность восставших, большинство задержанных не были отправлены в Кузнецк, а за «малолюдством при Воскресенских заводах работных людей, при собрании народа наказаны батожем и... посланы в работу» [7, с. 83]. Ситуация осложнялась еще и тем, что в конце 20-х гг. XVIII в. Берг-коллегия санкционировала прием и последующее селение на алтайских предприятиях А. Н. Демидова пришедших, беглых и других маргинальных групп. Лишь в

середине 30-х гг. XVIII в. кузнецкому управителю удалось частично взять под контроль этот процесс: в результате отправки в Колывано-Воскресенское ведомство экстраординарной команды во главе с П. А. Мельниковым большинство самовольных переселенцев, осевших в окрестностях завода и рудников, было записаны в подушный оклад в Кузнецком уезде в качестве государственных крестьян [7, с. 84–85]. Соответствующие эпизоды, приобретая системный характер, значительно осложняли воеводский административный надзор в Кузнецком уезде.

Приведенные в качестве примеров сюжеты обнажили несколько важных тенденций во взаимоотношениях уездного центра и частновладельческого ведомства А. Н. Демидова. Во-первых, каждая сторона стремилась во что бы то ни стало соблюсти свои интересы и не потерять своего управленческого авторитета перед другой. Во-вторых, откровенное нежелание как гражданских, так и колыванских властей сотрудничать в конструктивном русле порождало управленческие коллизии и снижало эффективность административного процесса на локальном уровне. Приказчики Колыванского ведомства стремились максимально замкнуть административный надзор над находившимися на предприятиях или рудниках рабочими и казаками. Это, на наш взгляд, было связано, во-первых, с уверенностью в возможности обеспечения должного управления последними; во-вторых, – с необходимостью развития формировавшегося производственного комплекса; в-третьих, – с отсутствием четких административных механизмов взаимодействия с уездными властями.

Приведенные в статье обстоятельства обнажают необходимость корректировки утверждения А. В. Контева о том, что «никакой конкуренции между частным предпринимателем и государством не было. Напротив, власти всячески поощряли деятельность заводчика, создавая для него максимально льготные условия» [7, с. 87–88]. Очевидно, такая ситуация была характерна скорее для центрального и регионального, но не местного уровня власти.

В целом для кузнецких воевод тема Колывано-Воскресенских заводов на протяжении всей второй четверти XVIII в. оставалась крайне неудобной. Уездные администраторы перманентно стремились к расширению своего влияния на приказчиков Колыванской конторы. Выполнение этой задачи изначально могло подразумеваться лишь в ограниченном объеме, т. к. весь комплекс и управленческий персонал являлись собственностью А. Н. Демидова. В случае вмешательства региональной власти воеводы создавали только видимость первоочередного соблюдения интересов Колыванского ведомства. В более широком смысле следует признать неурегулированность полномочий гражданских властей и частновладельческих управителей в смежных областях, что являло собой один из примеров пробела в системе права, порождая административные коллизии и конфликты, которые, впрочем, вплоть до середины XVIII в. не перерастали в открытые противостояния.

Литература

1. Ананьев Д. А. Воеводское управление в Сибири. Новосибирск: Сова, 2005. 264 с.
2. Усков И. Ю. Город Кузнецк в XVIII в.: организация местного управления и структура населения // V Исторические чтения Томского государственного педагогического университета: материалы Всероссийской научной конференции

с международным участием 13–14 ноября 2014 г. Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2014. С. 19–27.

3. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 517. Оп. 1. Д. 186.
4. Русско-джунгарские отношения (конец XVII – 60-е гг. XVIII в.): документы и извлечения. Барнаул: Азбука, 2006. 360 с.
5. Бородаев В. Б., Контев А. В. У истоков истории Барнаула. Барнаул: Алтайский полиграфический комбинат, 2000. 336 с.
6. Контева О. Е., Контев А. В. Территория Алтайского края в общегражданской и ведомственной системах управления (XVIII в.) // История Алтайского края. XVIII–XX вв.: научные и документальные материалы. Барнаул: Издательство БГПУ, 2004. С. 44–70.
7. Контев А. В. Становление и развитие горно-металлургического производства в Западной Сибири (конец XVII – первая половина XVIII в.): дис. ... канд. ист. наук; Барнаульский гос. пед. ун-т. Барнаул, 1997. 360 с.
8. Контев А. В. Возникновение российского горно-металлургического производства на Алтае и отражение этого процесса на чертежах 1720-х гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 2. Т. 1. С. 47–49.
9. Контева О. Е. Становление и развитие системы управления кабинетским горнозаводским ведомством в Западной Сибири: 1745–1798 гг.: дис. ... канд. ист. наук; Барнаульский гос. пед. ун-т. Барнаул, 2005. 284 с.
10. Соболева Т. Н., Разгон В. Н. Очерки истории кабинетского хозяйства на Алтае (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.): управление и обслуживание. Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 1997. 257 с.
11. Пережогин А. А. Военизированная система управления Кольвано-Воскресенского (Алтайского) горного округа (1747–1871 гг.). Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 2005. 262 с.
12. Соболева Т. Н., Афанасьев П. А., Кухаренко А. Е., Бобров Д. С. Эксплуатация природных ресурсов Алтая императорским Кабинетом как фактор развития российской монархии (XVIII – начало XX в.). Барнаул: Азбука, 2012. 260 с.
13. Ведерников В. В. Кабинетская цветная металлургия Сибири в XVIII – первой половине XIX в.: монография. Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 2012. 186 с.
14. РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. Кн. 725. Д. 131.
15. РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 26.
16. РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 25.
17. РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 91.
18. РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 82.
19. РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 122.
20. РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 175.

THE KOLYVAN FACTORIES IN THE POLICY OF THE KUZNETSK VOIVODES IN THE SECOND QUARTER OF THE XVIII CENTURY

Denis S. Bobrov^{1, @, *}

¹ Altai State University, 61, Lenina street, Barnaul, Russia, 656049

@ BDS-eureka@yandex.ru

Received 26.07.2017. Accepted 14.11.2017.

Keywords: A. N. Demidov, bailiffs, Kuznetsk voivodes, Kolyvan-Voskresensky department, Kuznetsk district.

** The publication has been prepared with financial support of RFFI and Department of education and science of Altai Krai within the framework of joint project No. 17-11-22006 «The historical development of the Altai in the context of national and regional processes of the XVIII – beginning of the XXI century».*

Abstract: The article is devoted to the identification and analysis of the areas of interaction between the Kuznetsk voivodes (governors) and proprietary estate managers of the A. N. Demidov's Kolyvan factories in the second quarter of the XVIII century. The research is based on unpublished documents from the funds of the Russian State Archive of Ancient Acts. The article features the reaction of the district administrators to the establishment and dynamics of the security system at copper smelteries in the interstream area between the Ob and the Irtysh. The system contradictions between the interests of civil authorities and A. N. Demidov's managers are demonstrated by the example of the use of state-owned salt, as well as by the amenability of crimes. The resulting collisions and conflicts are considered as a consequence of the unregulated procedure of the relationship of the relevant administrative subject in lawmaking and administration. The author casts doubt on the popular opinion that there was no competition between the state and the proprietary basics in the development of the Upper Ob-Irtysh area. The author comes to a conclusion about the permanent aspiration of the Kuznetsk voivodes to expand their administrative influence on the estate managers of the Kolyvan-Voskresensky department.

For citation: Bobrov D. S. The Kolyvan factories in the politic of the Kuznetsk voivodes in the second quarter of the XVIIIth century [The Kolyvan Factories in the Policy of the Kuznetsk Voivodes in the Second Quarter of the XVIII Century]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 4 (2017): 23–29. DOI:10.21603/2078-8975-2017-4-23-29.

References

1. Anan'ev D. A. *Voevodskoe upravlenie v Sibiri* [Voivod's administration in Siberia]. Novosibirsk: Sova, 2005, 264.
2. Uskov I. Iu. Gorod Kuznetsk v XVIII v.: organizatsiia mestnogo upravleniia i struktura naseleniia [Kuznetsk city in the XVIII century: organization of local administration and population structure]. *V Istoricheskie chteniia Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem 13–14 noiabria 2014 g.* [V Historical readings the Tomsk state pedagogical university: Proc. All-Russian Sc. Conf. with the Intern. participation on November 13–14, 2014]. Tomsk, 2014, 19–27.
3. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov (RGADA)* [The Russian State Archive of Ancient Acts]. Found 517, List 1, File 186.
4. *Rusko-dzhungarskie otnosheniia (konets XVII – 60-e gg. XVIII v.)* [Russian and Dzungarian relations (end of the XVII – 60's. of the XVIII century)]. Barnaul: Azbuka, 2006, 360.
5. Borodaev V. B., Kontev A. V. *U istokov istorii Barnaula* [At the origins of the history of Barnaul]. Barnaul: Altaiskii poligraficheskii kombinat, 2000, 336.
6. Konteva O. E., Kontev A. V. *Territoriiia Altaiskogo kraia v obshchegrazhdanskoi i vedomstvennoi sistemakh upravleniia (XVIII v.)* [Territory of the Altai Krai in general civil and departmental management systems (XVIII century)]. *Istoria Altaiskogo kraia. XVIII–XX vv.* [History of Altai Territory. XVIII–XX centuries]. Barnaul, 2004, 44–70.
7. Kontev A. V. *Stanovlenie i razvitie gorno-metallurgicheskogo proizvodstva v Zapadnoi Sibiri (konets XVII – pervaiia polovina XVIII v.)*. Diss. kand. ist. nauk [Formation and development of mining and smelting production in Western Siberia (late XVII – first half of the XVIII century). Cand. hist. Sci. Diss.]. Barnaul State Pedagogical Univ. Barnaul, 1997, 360.
8. Kontev A. V. *Vozniknovenie rossiiskogo gorno-metallurgicheskogo proizvodstva na Altae i otrazhenie etogo protsessa na chertzhakh 1720-kh gg.* [Genesis of Russian mining and smelting production in the Altai and reflection of this process on the drawings of the 1720s]. *Bulletin of Kemerovo State University*, 1, no. 2 (2013): 47–49.
9. Konteva O. E. *Stanovlenie i razvitie sistemi upravleniia kabinetским gornozavodskim vedomstvom v Zapadnoi Sibiri: 1745–1798 gg.* Diss. kand. ist. nauk [Formation and development of administration system of the Cabinet's mining and smelting department in Western Siberia: 1745–1798. Cand. hist. Sci. Diss.]. Barnaul State Pedagogical Univ. Barnaul, 2005, 284.
10. Soboleva T. N., Razgon V. N. *Ocherki istorii kabinetnogo khoziaistva na Altae (vtoraia polovina XVIII – pervaiia polovina XIX v.): upravlenie i obsluzhivanie* [Essays on the history of Cabinet economy in the Altai (second half of the XVIII – first half of the XIX century): management and maintenance]. Barnaul: Izdatel'stvo Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta, 1997, 257.
11. Perezhogin A. A. *Voenizirovannaia sistema upravleniia Kolyvano-Voskresenskogo (Altaiskogo) gornogo okruga (1747–1871 gg.)* [The militarized administration system of the Kolyvan-Voskresenskii (Altai) mountain district (1747–1871)]. Barnaul: Izdatel'stvo Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta, 2005, 262.
12. Soboleva T. N., Afanas'ev P. A., Kukharenk A. E., Bobrov D. S. *Ekspluatatsiia prirodnykh resursov Altaia imperatorskim Kabinetom kak faktor razvitiia rossiiskoi monarkhii (XVIII – nachalo XX v.)* [Exploitation of natural resources by the Imperial Cabinet as a factor of the Russian monarchy development (XVIII – beginning XX century)]. Barnaul: Azbuka, 2012, 260.
13. Vedernikov V. V. *Kabinetnaskaia tsvetnaia metallurgiiia Sibiri v XVIII – pervoi polovine XIX v.* [Cabinet's nonferrous-metals industry of Siberia in the XVIIIth – first half of the XIXth century]. Barnaul: Izdatel'stvo Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta, 2012, 186.
14. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov* [The Russian State Archive of Ancient Acts]. Found 248, List 13, Book 725, File 131.
15. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov* [The Russian State Archive of Ancient Acts]. Found 517, List 1, File 26.
16. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov* [The Russian State Archive of Ancient Acts]. Found 517, List 1, File 25.
17. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov* [The Russian State Archive of Ancient Acts]. Found 517, List 1, File 91.
18. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov* [The Russian State Archive of Ancient Acts]. Found 517, List 1, File 82.
19. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov* [The Russian State Archive of Ancient Acts]. Found 517, List 1, File 122.
20. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov* [The Russian State Archive of Ancient Acts]. Found 517, List 1, File 175.